

Глубоко скорблю о нем, сочувствую Вам от всей души, верю, что Вы мужественно перенесете эту невозвратимую утрату.

Сердечно Вас обнимаю.

Александр Фадеев.

372. Н. К. ИЛЬЮХОВУ

5 февраля 1956 года

Дорогой мой Никола!

Это, конечно, ужасное свинство — отвечать другу молодости, тем более другу по борьбе и скитаниям по Уссурийским долам и весям, через 2,5 месяца после получения его письма! Виновен, да, но заслуживаю снисхождения: к 54 годам нажил я болезнь сердца, а особенно печени — полиневрит, и жизнь моя проходит в беспрерывном чередовании больницы с многообразными делами, которых накапливается тем больше, чем чаще я выбываю из строя. Твое письмо получено было, когда я лежал в больнице. Вышел я в первой половине декабря и должен был в первую очередь ликвидировать страшный прорыв в делах. Надо учитывать, что помимо этих дел я работаю еще и над большим романом о металлургах. Но пробыл я «на воле» не более дней десяти и опять вынужден был лечь из-за обострения болезни печени. Выпустили меня только на несколько дней — на сессию Верховного Совета, где я выступал, — и взяли обратно.

Сейчас я пишу тебе из больницы, где буду находиться еще примерно месяц. Сейчас я чувствую себя уже сносно и пишу свой роман в больничных условиях.

Если ты так и не достал экземпляр книги своей, я, конечно, ее тебе достану — либо в Ленинской библиотеке, либо в редакции «Истории гражданской войны». Беда, однако, в том, что они не дают такие книги на дом. Я сделаю попытку переслать твоё письмо нашей землячке и соратнице по владивостокскому подполью 1918—19 гг. — Марии Сахьяновой, работающей в «Истории гражданской войны», с моей запиской. Может быть, она сможет дать тебе эту книгу на время или перепечатает на машинке (а иллюстрации — фото — можно будет переснять потом, когда ты произведешь правку). Одновременно советую

тебе, когда будешь в Москве, узнать у дяди Володи адрес и телефон Сахьяновой — домашний или служебный — и поговорить с ней. Еще можно с ней связаться через Зою Павловну Станкову или Ольгу Левич (она страдает серьезным сердечным заболеванием, все время дома, бывает рада посетителям и может тебе помочь установить контакт с Сахьяновой).

Если все же и Маруся Сахьянова не сможет дать тебе книгу, придется ждать, когда я выйду из больницы, — что-нибудь уж я придумаю.

Ужасно рад был получить от тебя это письмо твоё, рад, что ты существуешь, такой же как был, в рабочей форме, с присущим тебе юмором и сердечной теплотой. Сестра моя, Таня, как раз сегодня придет меня навещать и тоже будет рада. Последние годы, после войны, она работала в аппарате ЦК. Потом она перенесла тяжелую операцию язвы желудка и перешла на пенсию, а одновременно пишет диссертацию как заочница в Академии общественных наук при ЦК. Мать в позапрошлом году умерла на 81-м году жизни. До 1944 года она все еще работала как фельдшерница.

С нашими дальневосточными друзьями я встречаюсь относительно часто — главным образом с дядей Володей, Ольгой Левич, Ольгой Лазо, Зоей Станковой, Таней Цивилевой, Тамарой Головиной (она приезжает из Псковской области, где работает в школе механизации сельского хозяйства), с Соней Кляхиной, Тимофеем Ветровым-Марченко, с Ефимом Кононовым, Зоей Секретаревой и мужем ее Костей Серовым («Мишка-Медведь»), а со многими дружками по партизанской борьбе переписываюсь, — иногда кое-кто из них проездом на курорт, или к родне, или по делу попадают в Москву, живут, почуют у меня. С более крупными деятелями тех времен, — так сказать, «ранга» дяди Володи, — я встречаюсь реже из-за их и моей занятости. Дядя Володя более подвижен и общителен, несмотря на свой возраст, — часто бывает у Левич, Станковой, его я встречаю чаще.

Из той группы молодежи, о которой ты вспоминаешь, остался в живых лишь я один. Саня Седойкин (Бородкин) погиб еще в 1922 году под Хабаровском; Пронозу (Гришу Билименко, работавшего до 1937 года инженером под фамилией Судакова — последняя его партизанская фамилия), а также Петра Нерезова загубили враги народа.

Билименко-Судаков посмертно реабилитирован и восстановлен в партии. Нерезов, работавший до 1937 года секретарем Тарусского райкома партии, также будет реабилитирован в ближайшее время. Зюк, с которым до Отечественной войны я иногда встречался (Исаак Дольников), работал на различной партийной и советской работе и погиб в народном ополчении Ленинграда в первый год Отечественной войны.

Согласен с тобой, что с фамилией Мечика получилось чрезвычайно обидно для его памяти, но получилось это, как ты сам понимаешь, произвольно. Когда я попал на Сучай, Мечик уже погиб. Наверно, я слышал его фамилию тогда по рассказам друзей, но я был слишком молод, увлечен всем тем, что мы тогда переживали, и фамилия эта выпала у меня из памяти. Когда я учился в Горной академии, мы по заданию райсовета (группа студентов-партийцев, мобилизованных для этой цели) производили перенос лиц, живущих нетрудовым доходом, и в мою орбиту попал спекулянт с фамилией Мечик. Дело было, разумеется, не в спекулянте, когда я вдруг подумал, что фамилию эту можно использовать в рассказе или романе, поскольку она не часто встречается и хорошо запоминается. А о том, что эту фамилию носил мужественный, чистый и доблестный юноша в партизанской войне, я совершенно забыл, — она, должно быть, совершенно подсознательно ассоциировалась у меня с теми днями, и я использовал ее в «Разгроме» в применении к персонажу совершенно иной складки. Оплотность свою я понял, когда вышла книга твоя в соавторстве с Титовым, но исправлять уже было поздно. Когда ваша книга выйдет вновь, я исправлю это специальным письмом в редакцию «Литгазеты» и в редакцию «Красного знамени» (Владивосток) и «Тихоокеанской звезды» (Хабаровск), в котором скажу, что фамилия эта возникла в «Разгроме» случайно, и я прошу не путать выведенного мной персонажа с действительным Мечиком.

Предложенная тобой тема картины мне понравилась, поскольку в центре ее будет действительная историческая фигура — Сергей Лазо. Для других персонажей можно будет использовать фото, а иных и просто «домыслить» — с нашей помощью и консультацией. Но художники неохотно берутся теперь за темы из времен столь дальних, —

от них требуют современности. Буду, однако, разговаривать с некоторыми.

Пиши мне по домашнему адресу. Крепко жму руку и сердечно обнимаю. Напиши подробней о себе, о твоей семье.

Саша.

373. А. В. СОЛОДОВНИКОВУ

7 февраля 1956 года

Дорогой Александр Васильевич!

Пишу Вам это письмо как письмо частное, письмо писателя, который любит Художественный театр и хочет помочь ему в области репертуара. Хочу обратить Ваше внимание на пьесу талантливого и оригинального поэта (пьеса, однако, не в стихах) Петра Андреевича Семинина «Трудная весна», которая еще никому не известна, — я прочел ее в рукописи. Несколько огрубляя тему ее, можно сказать, что она направлена против людей, которые основным законом социализма рассматривают как максимальное удовлетворение своих собственных материальных и культурных потребностей; она — за служение обществу, народу, государству, что и формирует социалистического человека.

Пьеса построена на характерах, самобытна по языку. Пока не прочтешь до конца, решения, вывода не предскажешь. Написана в хорошей реалистической манере. Это — не сатира, но тема остро поставлена. 3 больших женских роли и 2 маленьких, но характерных. Много хороших людей. 4 роли молодежных и притом основных — 2 женских и 2 мужских. Пьеса выделяется над современным уровнем большинства пьес, и, конечно, когда автор сделает свои последние поправки (он занят этим сейчас), ее оторвут у него с руками. Не заинтересует ли Вас эта пьеса?...

Поинтересуйтесь еще пьесой Валерии Герасимовой «Журавли». Лежит у автора без движения, ибо не понятна тема, кто решает вопрос о печатании или постановке пьес в журналах и театрах, а многим писателям и режиссерам она нравится. Я тоже считаю ее хорошей пьесой. Это пьеса за правдивые, чистые, честные, одухотворенные отношения в любви, в семейных отношениях, против